

К вопросу о понятии «контрреформа» 80-90-х гг. XIX века в России

Н. И. БИЮШКИНА

Статья посвящена проблемной и неоднозначной теме определения понятия контрреформ 80-90-х гг. XIX века в России. Дефиниция «контрреформы» представляет собой наследие эпохи Александра III и звучит как аксиома. Поэтому, на протяжении более чем 150-ти лет в процессе изучения этого раздела истории отечественного государства и права он укоренился и не подлежал трансформации ни в дореволюционной, ни в советской, ни в современной историографии. Автор рассматривает понятие контрреформ под иным углом зрения, нежели в советской историографии, дает определение контрреформ и выделяет их признаки.

Ключевые слова: контрреформа, реформа, доктрина, дореформенное развитие, общеимперский кризис, демократия, либерализм, консерватизм.

The article is devoted to a problem and ambiguous theme of definition of "counterreform" in Russia in the 1880s-90s. The definition "counterreform" represents a heritage of Alexander III epoch and sounds as an axiom. Therefore, for more than 150 years while studying this section in the history of the state and law it has taken roots and hasn't been subject to transformation in pre-revolutionary, in Soviet and in modern historiography. The author considers the concept of counterreform in another point of view, rather than in the Soviet historiography, gives the definition to counterreforms and allocates their signs.

Keywords: counterreform, reform, doctrine, pre-reformed development, common imperial crisis, democracy, liberalism, conservatism.

Настоящая работа посвящена проблемной и неоднозначной теме определения понятия контрреформ 80-90-х гг. XIX века в России. Очевидно, что дефиниция «контрреформы» представляет собой наследие эпохи Александра III и носит авторский характер. Идеолог и разработчик этой концепции, как известно, – сенатор, обер-прокурор Святейшего Синода, член Государственного Совета, наставник императора Александра III Константин Петрович Победоносцев [1]. В связи с этим, сам термин звучит как аксиома. Поэтому на протяжении более чем 150-ти лет в процессе изучения этого раздела истории отечественного государства и права он укоренился и не подлежал трансформации ни в дореволюционной, ни в советской, ни в современной историографии [2]. В связи с этим, позволим себе привести цитату исследователя Кузнецовой Е.Н. из ее работы, посвященной контрреформам 80-90-х гг. XIX века в России, датированной 1977 г.: «Большинство представителей крайней реакции считали единственным средством поддержания господствующего класса возврат к дореформенным порядкам, восстановление сословного строя, в таком виде, как это имело место до отмены крепостного права... Поэтому данные представители правительственной бюрократии реакционного толка стремились добиться полного упразднения реформ» [3].

Вместе с тем, при непосредственном рассмотрении изучаемой нами дефиниции приходим к выводу о том, что приставка «контр-» [4] означает прямо противоположное направление предыдущему явлению, каким бы оно ни было. Причем подобный термин в большей степени применим к определению военных действий. Из определения видно, что использование приставки «контр-», применительно к реформам Александра II, должно предполагать совокупность мероприятий, направленных на возврат к дореформенному развитию Российского государства путем отмены всех преобразований 60-70-х гг. XIX века, как в государственно-правовом, так и в социально-экономическом отношениях.

Что же в действительности представлял собой курс Александра III? Можно ли назвать его обратно-направленным по отношению к предыдущему? В зависимости от ответов на эти вопросы становится понятно, соответствует ли термин «контрреформы» фактически происходившему комплексу внутри- и внешнеполитических мероприятий императора Александра III, проводившихся с марта 1881 г. по 1895 г.

Попытаемся объективно проанализировать правительственную доктрину, сформированную в Российском государстве в рассматриваемый период.

Так, сам К. П. Победоносцев в своих многочисленных сочинениях неоднократно подчеркивал необходимость преобразований крепостнических отношений, судебной части, местного самоуправления, образования и печати и т. д. [5]. Вместе с тем, он предупреждал об опасности слепо следовать западной парадигме как на стадии разработки нормативной базы, так и в процессе проведения реформ [6]. Например, К. П. Победоносцев, выражая несогласие с характером проведения образовательной реформы, указывал: «Правительство пошло в последнее время, очевидно, фальшивым путем, предприняв узаконение сходов. Этого желала только худшая часть студентов и профессоров; к несчастью, правительство думало найти опору именно в этой худшей части» [7].

Аналогичного мнения К. П. Победоносцев придерживался и при рассмотрении других реформ.

Другие общественные и политические деятели того времени, справедливо отнесенные к консервативному течению, в целом, были солидарны с позицией главного идеолога контрреформ.

Так, видный общественный деятель изучаемой эпохи, редактор популярной газеты «Современные Известия» Никита Петрович Гиляров-Платонов, оценивая глобальный процесс реформирования социально-экономической и политико-правовой жизни России 60-70х гг. XIX в., писал: «Обратим внимание, что мы употребляем выражение «либералистический», а не либеральный. Движение личного освобождения благодетельно, пока оно имеет в виду устранить несправедливое стеснение в естественных правах; тогда оно «либерально». Но когда оно, во имя прав личности превращает целое общество в рабов перед мироедами, перед концессионерами, перед банкирами, оно не заслуживает называться либеральным, в старом, благородном смысле этого слова, оно есть либералистическое» [8].

Таким образом, мы видим, что Н. П. Гиляров-Платонов одним из первых общественных деятелей своего времени ещё в разгар реформ Александра II увидел глубинную сущность происходящих социально-экономических процессов и предвосхитил ряд негативных, а, подчас, необратимых последствий таких, как: массовое обнищание крестьян, разрушение общины, их пролетаризация, поляризация общества, усиление революционных настроений и действия студенческих террористических организаций и т.д. Отсюда мы смело можем причислить Гилярова к тем общественным и государственным деятелям, которые составили цвет российской консервативной политической мысли. Становится очевидным, что наиболее здравомыслящая часть российской патриотически-настроенной элиты, а именно: К. П. Победоносцев, В. П. Мещерский, Н. Х. Бунге, И. А. Вышнеградский, Д. И. Менделеев, М. Е. Салтыков-Щедрин, Н. П. Гиляров-Платонов создали идеологическую основу для последующего проведения контрреформ в России, призванных, насколько это было, на тот момент нейтрализовать негативные последствия реформ Александра II, но не повернуть их вспять.

В сознании большинства людей термин «контрреформы» присутствует в стереотипно навязанном негативном ракурсе. Однако, мы пришли к выводу о его несомненном конструктивном значении, о том, что комплекс правительственных мероприятий 1881-1895 гг., направленный на восстановление законности и правопорядка, экономического состояния и социальной стабильности в стране, представляет собой отнюдь не откат в патриархальную феодальную Россию, но коррекцию либерального курса Александра II с учётом сложившейся социально-экономической, политико-правовой ситуации в России на рубеже 70-80-х гг. XIX в.

Следовательно, мы должны изменить отношение и ко всем составляющим «контрреформаторского» процесса, проводимого К. П. Победоносцевым и Александром III.

Общеимперский кризис практически во всех сферах жизни государства и общества был очевиден и довольно болезненно воспринимался наиболее трезвомыслящей частью российской правящей элиты, к которой принадлежал князь К.П. Мещерский.

«Очень легко от теории крестьянского счастья, от всеобщего или земского хозяйства придти к теории уничтожения дворянства, а от нее к уравниванию всех сословий под ценз образования, а от этой теории до теории бесполезности самодержавия один шаг. Этот шаг почти был сделан», – писал В.П.Мещерский [9].

Сомнительные либеральные ценности в полной мере проявили свою деструктивную направленность, как во влиянии на общественное мнение, так на формирование политического курса правительства. Свою глубокую и обоснованную озабоченность по этому поводу неоднократно высказывал К.П. Победоносцев: «Демократия, когда попадает в руки ее механизм законодательства, принимается орудовать законами для своей цели, издавая закон за законом и не стесняясь нисколько соображением о том, насколько стесняются законом самые существенные стремления и потребности быта и духа народного», – в свою очередь констатировал создавшееся положение в судебной системе К.П. Победоносцев [10].

Н. Х. Бунге отмечал, что «славные дела Александра II не только не сопровождались сочувственным увлечением молодых поколений, но, напротив, как бы служили поводом к появлению из среды всех сословий анархистов, террористов, врагов династии и общественного порядка» [11]. В связи с этим, Н. Х. Бунге признавал, что «нельзя не согласиться о необходимости усиления правительственной власти. Усиление это, по моему мнению, может быть достигнуто только укреплением законного порядка, т.е. подчинением закону многого из того, что доселе зависит от личных воззрений министров» [12].

Резюмировать курс правительства Александра III можно высказыванием князя В. П. Мещерского, который отмечал: «Либерализм должен иметь свое место в нашей жизни, и большое место, но не менее большое место должен иметь и консерватизм» [13].

Советская историография иначе рассматривает политику контрреформ. Так, исследователь Ю. Б. Соловьев под контрреформами понимает совокупность экономических и политических преобразований 80-90-х гг. XIX века, которые тормозили капиталистические отношения [14].

Профессор П. А. Зайончковский полагал, что контрреформы ограничиваются тремя правительственными мерами законодательного характера: 1 Положением «О земских участковых начальниках» 1889 г.; 2 «Земским положением» 1890 г.; 3 «Городовым положением» 1892 г. [15].

Другая точка зрения, представленная в 70-е гг. XX века Кузнецовой Е.Н., раскрывает понятие контрреформ как реакционный пересмотр всех преобразований Александра II. Максимально широкое понимание исследуемого правительственного курса включает в себя и экономические мероприятия 80-х – первой половины 90-х гг. XIX века, направленные на дальнейшую реализацию интересов российского дворянства в посткрепостнический период [16].

Современное понимание политики контрреформ, сложившееся в исследовательской среде, существенно отличается от оценок, свойственных советской историографии по данному вопросу.

Так, исследователь Филиппова Т.А. в своей статье «Реформа и реформатор: лук для Робина Гуда» утверждает, что реформы Александра II и контрреформы Александра III «различались лишь тактикой – ставкой на различные методы консервативной стабилизации... либеральная реформа и социальное проектирование – необходимые тактические способы консервативной стратегии сохранения мирной, полноценной жизни общества, тем здоровее переносит само общество все то, что ныне именуется «вызовом времени», «модернизацией», «цивилизационным скачком», «эпохой транзита» и прочими «прорывами в светлое будущее» [17].

Мы, в свою очередь, в целом, солидарны с названными аргументированными позициями и считаем необходимым к приведенным выше рассуждениям дополнить следующее.

Изучаемые мероприятия, проводимые правительством Александра III, и взгляды идеологов российского консерватизма того времени убедительно иллюстрируют объективное несоответствие термина «контрреформы» с его приставкой «контр-» фактически сложившейся доктрине и реально проводившемуся политическому курсу Александра III.

Действительно, в случае полного отказа от реформ Александра II новому правительству, сформировавшемуся после 1 марта 1881 г., неминуемо пришлось бы восстановить в стране крепостнические отношения, отменить деятельность земских и городских органов самоуправления, вернуться к рекрутской повинности и прежнему правовому регулированию вооруженных сил империи, ликвидировать *все* достижения судебной реформы, упразднить *весь* комплекс мероприятий Александра II в образовательной сфере и цензурной политике.

Однако совершенно очевидно, что мероприятия Александра III не только не ликвидируют преобразования, начавшиеся в 60-е гг. XIX в., но и придают им динамизм, приводят их

в соответствии с особенностями российской политико-правовой и социально-экономической действительностью, сложившейся на рубеже 70-80-х гг. XIX в.

Наиболее ярко эта тенденция проявляется на примере проведения ключевой основополагающей реформы – крестьянской, о чём убедительно свидетельствуют многочисленные статистические сведения, приведенные проф. П.А. Зайончковским в своих исследованиях [18].

Позитивные тенденции довольно отчётливо проявляются в процессе проведения правительственных преобразований исследуемого периода. Так, статистические данные убедительно свидетельствуют о качественном скачке в реализации реформ Александра II, который пришёлся на царствование Александра III.

Более того, такое направление политики Александра II, как финансовая реформа 1862 г., получила дополнительный импульс к эффективному развитию именно в период правления Александра III, то есть, во время так называемых контрреформ [19].

Таким образом, политика «контрреформ» объективно выглядит как *курс коррекции* [20] сложного и противоречивого процесса преобразований Александра II, а отнюдь не их ликвидация (что соответствовало бы смыслу приставки «контр»).

Действительно, пучина терроризма, в которую была ввергнута Россия в предкоррекционный период, оказывала парализующее воздействие на общество и государство и, тем самым, препятствовала нормальному функционированию их институтов. Так, образовательная система была заражена революционной пропагандой и агитацией, деструктивно влиявшей на сущность образовательного процесса (о чем неоднократно писали консерваторы) [21]. Причинно-следственная связь между административной и другими контрреформами прослеживается и на примере функционирования армии. Так, в условиях политической нестабильности вооруженные силы направлялись на решение внутривнутриполитических полицейских задач в ущерб прямому назначению – обороне страны [22].

Другое реформаторское направление – органы местного самоуправления лишь на основе решительных административных мер становится возможным придать новый импульс функционированию этих социальных институтов [23].

Итак, на наш взгляд, под термином «контрреформы» следует понимать систему внутривнутриполитических мер, предпринятых императором, направленных на восстановление и последующее соблюдение режима законности и правопорядка, на приведение курса реформ Александра II в соответствие с изменившимися к началу 80-х гг. XIX века социально-экономическими и политико-правовыми отношениями.

Из предложенного определения вытекают следующие признаки:

- персонификация (концентрация в высшем руководстве страны выдающихся государственных деятелей, как залог успеха, эффективности проведения контрреформ);
- концептуальность (формирование стратегического направления внутривнутриполитического курса Александра III происходило в общем русле российского консерватизма и представляло собой поэтому, в целом, однонаправленное поступательное движение);
- системность (курс коррекции представляет собой системное понятие, включающее комплекс мероприятий, представляющих собой совокупность взаимосвязанных и взаимозависимых элементов. Среди них: административная, образовательная, цензурная, судебная, земская, городская. Важнейшим звеном в этой системе, по нашему мнению, следует назвать административную «контрреформу». Действительно, без восстановления законности и правопорядка то есть достижения основной цели проведения административной контрреформы было бы невозможно предпринимать и другие меры коррекции реформаторского курса Александра II);
- последовательность (проводимые правительством Александра III мероприятия представляли собой цепочку взаимно обусловленных реформ, каждая из которых логически вытекала из предыдущей, и создавала тем самым основу для проведения последующей);
- завершенность (каждая из реформ 80-90-х гг. XIX в. была доведена до своего логического завершения: законность и правопорядок восстановлены, разгул терроризма приостановлен, суд присяжных и адвокатура прекратили свою ярко выраженную антиправительственную деятельность и перешли к конструктивному сотрудничеству с ним; университеты

из общества вольнодумцев вновь стали трансформироваться в цитадель науки, то есть – в свою классическую форму; земские собрания и городские думы были освобождены от обременительных затрат на содержание мирового суда и были поставлены под контроль губернской администрации, благодаря чему сконцентрировали свою деятельность на решении фактически существующих проблем местного самоуправления и т. д.);

- общеимперский характер (комплекс мероприятий правительства Александра III распространял свое действие на всю территорию Российской Империи, однако это не исключало дифференцированного подхода к применению мер чрезвычайного характера по отношению к тем или иным регионам);

- соответствие полученных результатов заданным целям (по нашему мнению, к достигнутым целям внутриполитического курса Александра III следует отнести восстановление режима законности и правопорядка для успешного проведения дальнейшей коррекции реформ Александра II с учетом сложившихся к 80-м гг. XIX в. Социально-экономических и политико-правовых отношений в Российской империи.).

Таким образом, мы рассмотрели понятие контрреформ под иным углом зрения, нежели в советской историографии. В данной работе было дано определение контрреформ и выделены признаки, отражающие характер мероприятий, проводимых правительством Александра III.

Очевидной становится необходимость проведения исследуемого нами внутриполитического курса. Реформы указанного периода стали, на определенный период, щитом от захлестывающей Россию фактически существующей угрозы уничтожения со стороны разного рода деструктивных сил.

Литература и источники

1. Победоносцев Константин Петрович (1827-1907) – российский государственный деятель, учёный-правовед, действительный тайный советник. В 1880-1905 годы занимал пост Обер-прокурора Святейшего Синода. Член Государственного совета (с 1872), почётный член Императорской Академии наук (1880).

2. Зайончковский П.А. Отмена крепостного права в России, М., 1968. – 368 с.; Троицкий Н.А. Россия в XIX веке: Курс лекций. — М.: Высш. шк., 1997. – 431 с.; Филиппова Т.А. Реформа и реформатор: лук для Робина Гуда.// Родина 2006 №9. – С.2-7; Нольде А.Э. К.П. Победоносцев и судебная реформа. Петроград. Петроградская тип. т-ва «Общественная польза» 1915. – 42 с.; Мещерский В.П. Мои воспоминания. М., 2003. – 860 с.; Немытина М.В. Судебная контрреформа и комиссия Н.В. Муравьева. Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01-Саратов, 1987. – 148 с.; Кузнецова Е.Н. Контрреформы 80 – 90 годов XIX века в России. (Государственно-правовая характеристика). Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 – Л., 1977. – 161 с.; Либерман А.А. Институт земских начальников 1889-1905 гг. Дис...канд. ист. наук – М., 1976. – 192 с.

3. Кузнецова Е.Н. Контрреформы 80 – 90 годов XIX века в России. (Государственно-правовая характеристика). Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 – Л., 1977. – 161 с. С.С.48-49.

4. Контр [латин. contra] (книжн.). Первая часть сложных слов, означающая противоположный или встречный процесс, противодействие тому, что выражено во второй части слова, напр. контрпретензия, контр-удар, контрразведка, контрреволюция. / Толковый словарь русского языка: В 4 т./ Под ред. Д. Н. Ушакова. — М.: Гос. ин-т "Сов. энцикл."; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935-1940. <http://slovari.yandex.ru/dict/ushakov>; Контра ж. франц. искаженное слово; против, противность. У них вышла контра, они поссорились. Сыграть на контру, в азартных играх, на квит. Контровать или – ся с кем, делать взаимно все наперекор, споровать, – ся. Контрабанда ж. провоз запрещенных товаров из другого государства и самый товар этот; корчемство, корчемной товар. Контрабандный, к контрабанде относящ. – бандир или – бандист м. – бандистка ж. пограничный корчемник, промышленяющий провозом запрещенных товаров. Контрабандистов, —дисткин, ему или ей принадлежщ.; контрабандистский, к ним относящ.. Контрабас м. самое большое из смычковых музыкальных орудий, с самым низким строем густого баса. || В хоре, оркестре, самый низкий бас, октавою

ниже простого баса. – басный, к контрабасу относящ. – басист м. играющий на контрабасе; поющий контрабасом, октавою ниже нот. —басистка, жена контрабасиста. Контрабизан ж. морск. малая бизань, самый задний к корме парус, у бизаньмачты, на гике и гафеле (полу-рейке). Контрагалс м. морск. линия бейдепинда противная той, о которой говорится: судно может идти под парусами по двум направлениям круто, близко к ветру, по обе стороны его; каждый из путей этих есть контрагалс другого. Контрамарка ж. ярлык или росписка, на временную нужду; отлучаясь из театра, берешь контрамарку, замест отданного билета, чтобы снова впустили; представив паспорт для обновления, берешь контрамарку. Контрамаршь м. морск. последовательный поворот кораблей (гусем) с одного галса на другой. || Движение и постройка сухопутных войск, перемена фронта. для действий с тылу; обмен шеренг. Контрамина, подземная работа осажденных, подкопы из крепости, для помехи подкопам осаждающих. Контрапункт м. муз. искусство подбора созвучий к данному напеву, искусство сопровождения, постановки второго и последующих голосов (генералбас, общее ученье о созвучиях и инструментовке, искусство переходов из тона в тон и отысканья правильных созвучий). Контрапунктировать напев, голос, сделать контрапунктацию, контрапунктировку, контрапунктуру ж. положить на ноты созвучия, проводку данного напева, разложить голоса. Контрапунктист м. изучивший контрапункт. Контрасигнировать или контрасигновать бумагу, скреплять, заручать подписью, говор. о скреплении высочайших указов. —ся, быть скрепляемому, скрепляться. —сигнирование ср. длит. —сигновка ж. об. действ. по знач. глаг. Контрафагот м. духовое музыкальное орудие, подобное фаготу, но шире объемом, в басах. —фаготовый, —фаготный, к этому орудию относящ. —фаготист м. играющий на контрафаготе. Контрафакция ж. подделка, особ. недозволенная перепечатка книг, в ущерб законному их издателю. Контрфорс м. подпора с боку, деревянная или каменная, для поддержки здания, стены, крутости; приклад, бык, устой. Контр-адмирал, чин генерал-майора в нашем флоте. Контральт м. низкий альт; женский контральт равняется мужскому тенору. Контр-апроши воен. малые батареи вне крепости, для пронизки прикопов осаждающих. Контрпроба ж. вторичная проба, опыт, для проверки первой; проверка проверки. Контрреволюция, противовосстание, возмущение в пользу прежнего порядка, бывшего до переворота. Контртимберсы м. мн. морск. брусья, образующие надводную кормовую часть корабля. Контр-эскарп, воен. крутость рва, противоположная эскарпу, крутость рва к полю, супротив крепости, внешняя, полевая откосина рва. / «Толкового словаря живого великорусского языка» Владимира Ивановича Даля (тт. 1-4, 1863-66). <http://slovari.yandex.ru/dict/dal>; Контр..., контра... (от лат. contra — против), составная часть многих сложных слов, указывающая на противоположность или противодействие чему-либо, на противопоставление понятию, выраженному во второй части слова, например контрреволюция, контрразведка, контрудар. В музыке приставка К... означает "октавой ниже". / Полный текст Третьего издания «Большой советской энциклопедии», выпущенной издательством «Советская энциклопедия» в 1969 — 1978 годах в 30 томах. <http://slovari.yandex.ru/dict/bse>.

5. Победоносцев К.П. Сочинения. Спб.: Наука, 1996. – 508 с.

6. Томсинов В.А. Константин Петрович Победоносцев: человек, политик и правовед. //Вестник Московского университета. Серия Право. 2007. №2. С. 46-47. 36 – 83 с.

7. Письма Победоносцева к Александру III. СПб. 22 марта 1881 г. Т.1. С предисловием М.Н.Покровского, Центархив, «Новая Москва», 1925. С.322 – 324.

8. Цит по: Н.П. Гиляров-Платонов. Сборник сочинений т.1. Изд-е К.П.Победоносцева. М., Синодальная типография. 1899. – 479 с. С.42.

9. Цит по: кн. Соловьев Ю.Б. Самодержавие и дворянство в конце XIX века. Л.: «Наука» 1973. – 383 с. С.171.

10. Победоносцев К.П. Демократия. // Победоносцев К.П. Сочинения. СПб., 1996. – 508 с. С. 187.

11. Бунге Н.Х. Загробные заметки // Родина № 1, 2000. С. 148.

12. Там же. С. 148.

13. Мещерский В.П. Речи консерватора. Спб.: «Типография братьев Пантелеевых» 1876. – 172 с. С.98.

14. Соловьев Ю.Б. Самодержавие и дворянство в конце XIX века. Л. 1973. – 383 с. С.199.

15. Зайончковский П.А. Отмена крепостного права в России, М., 1968. – 368 с. С.322-323.

16. Кузнецова Е.Н. Контрреформы 80 – 90 годов XIX века в России. (Государственно-правовая характеристика). Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 – Л., 1977. – 161 с. С.С.59.

17. Филиппова Т.А. Реформа и реформатор: лук для Робина Гуда.// Родина 2006 №9. – С.2-7.

18. П. А. Зайончковский указывает, что на протяжении 70-х годов продолжался выкуп крестьянами своих наделов. До 1881 г. в разряд крестьян-собственников начиная с 1861 г. перешло 8 617 322. Число временнообязанных к этому времени составляло 1552 403 ревизских души³. Таким образом, за период 70-х годов, точнее за 11 лет, было переведено на выкуп 1937 978 ревизских душ. Переход крестьян на выкуп явился одним из существенных условий для развития капитализма в деревне. Это находило свое выражение в первую очередь в разложении крестьянства. Уже в начале, 70-х годов об этом содержатся краткие указания в материалах так называемой Валуевской комиссии. Так, о положении крестьян нечерноземных губерний в материалах говорилось, что «в этих местностях, по некоторым заявлениям, разбогатело небольшое число крестьян, с.293; За 28 лет, с 1877 по 1905 г., дворянское землевладение уменьшилось на 19 907 781 десятина, а крестьянское увеличилось на 7 426 455 десятин с.295; Цит по: «Статистика землевладения 1905 г.». Свод данных по 50 губерниям Европейской России. СПб., 1907, стр. 141. / Зайончковский П.А. Отмена крепостного права в России, М., 1968. По Н.И. Тезякову уже в 70—80-е годы здесь создаются крупные капиталистические организованные имения. Так, в начале 90-х годов в Таврической губернии Фальц-Фейн, владевший 200 тыс. десятин земли, и граф Мордвинов — 80 тыс. десятин организуют чисто капиталистическое хозяйство¹. В 1893 г. в имении Фальц-Фейна на сенокосе работало 1100 машин. О распространении сельскохозяйственных машин и орудий достаточно говорят следующие цифры: в 1876 г. в 4 южных губерниях (области Войска Донского, Екатеринославской, Таврической и Херсонской) было приобретено машин на 280 тыс. руб., в 1890 г.—на 2 360 тыс. руб. и в 1894 г. – на 6 183 тыс. руб.². Все эти хозяйства применяли в широких размерах вольнонаемный труд. Так, например, только в Елизаветградском уезде Херсонской губернии в конце 80-х годов в 131 более или менее крупном имении работало 15 161 рабочий, не считая поденных. Н. И. Т е з я к о в. Сельскохозяйственные рабочие и организация над ними санитарного надзора в Херсонской губернии. Херсон, 1896, С. 26.

19. Речь идет, в частности, о таких мероприятиях Александра III, как введение новых таможенных тарифов по проекту Д.И.Менделеева, в частности, тарифы 1885,1891и др., имевшие важное протекционистское значение для развития отечественной промышленности. Кроме того благотворная деятельность Н.Х.Бунге на посту министра финансов привела к укреплению национальной денежной единицы, наполнению ее золотым содержанием. Вводится прогрессивное для того времени банковское законодательство, строго регламентирующее деятельность кредитных учреждений в России, подлежащих тотальному правительственному контролю и др.

20. Коррекция, и, ж. [латин. correctio] (книжн.). Исправление (спец.). Коррекция зрения (исправление недостатков зрения посредством очков; мед.). 2. То же, что коррекция зрения (мед.). У него с коррекцией полное зрение. ◊ Коррекция зрения (мед.). / Толковый словарь русского языка: В 4 т./ Под ред.Д. Н. Ушакова. — М.: Гос. ин-т "Сов. энцикл."; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов.1935-1940. <http://slovari.yandex.ru/dict/ushakov>.

21. Победоносцев К.П. Сочинения. Спб.: Наука, 1996. – 508 с.; Катков М. Н. Собрание передовых статей "Московских Ведомостей". 1884. М. – 688 с., 1898.; Мещерский В.П. Речи консерватора. Спб.: «Типография братьев Пантелеевых» 1876. – 172 с.; Бунге Н.Х. Загробные заметки. М. 1893. – 354 с.; Н.П. Гиляров-Платонов. Сборник сочинений т.1. Изд-е К.П.Победоносцева. М., Синодальная типография. 1899. – 479 с.

22. Так, войска использовались совместно с полицией для исполнения приговоров суда; сопровождения заключенных из одного тюремного учреждения в другое; поиска лиц са-

мовольно бежавших из армии; охраны материальных ценностей (денег, драгоценных металлов и т.д.) во время их перевозки; розыска и задержания преступников; подавления мятежей; охраны тюрем и иных мест, в которых содержались лица, совершившие преступления; охраны места проведения суда. / *Амиров Р.З.* Армия как полицейская сила в механизме Российского государства в период становления и укрепления абсолютной монархии: Учебное пособие. – Уфа: Уфимский юридический институт МВД РФ, 1997. -77 с.– С. 36.

23. См.: Захарова Л.Г. Земская контрреформа 1980. Под ред. Проф. П.А.Зайончковского. Изд-во Московского университета, 1968. – 178 с.; Жукова Л.А. Самоуправление и бюрократия в России: конфликты и сотрудничество 1864-1917 гг. М., Изд-во «Хронограф». 1998. – 179 с.

Нижегородский государственный
университет им. Н. И. Лобачевского

Поступило 23.06.10

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ